

◆

АМУРСКИЕ ВОЛКИ

◆

*Коллективный
роман*

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44
А 62

Оформление обложки Ильи Кучмы

А 62 **Амурские волки** : коллективный роман. — СПб. :
Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 448 с.
ISBN 978-5-389-32477-0

«Амурские волки» — авантюрный «коллективный роман», основанный на подлинных событиях и отражающий суровую реальность русского фронта. Ограбления караванов с золотом Ниманских приисков, набеги хунхузов, русско-китайский вооруженный конфликт 1900 года, поджог парохода «Муравьев-Амурский», громкие криминальные происшествия в Благовещенске — все это освещалось в периодической печати тех лет.

Авторы «коллективного романа» не были беллетристами. Они были журналистами, криминальными репортерами, газетными поденщиками. Центральная роль и большая доля заслуги в появлении на свет «Амурских волков» принадлежит Александру Ивановичу Матюшенскому, человеку, чей писательский опыт формировался не только в редакциях газет и журналов, но и в драматических событиях, которыми была переполнена его жизнь. Противоречивая и, как говорят, довольно скандальная личность ведущего автора и организатора «коллективного романа» стала причиной тому, что главное его детище хотя и произвело фурор, выдержав несколько переизданий, затем на несправедливо долгое время было позабыто. В том, что Матюшенский прошел весьма извилистый жизненный путь, сомневаться не приходится, но отделить правду от легенд в его биографии сложнее, чем отличить реальную историю от вымысла в «Амурских волках». Неизменной остается историческая и художественная правда, которую он смог вложить в это незаурядное произведение.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-32477-0

Часть первая

Глава 1

КОНТРАБАНДИСТЫ

Была темная ночь. Свет ярких звезд едва-едва прокрадывался сквозь пучину черной мглы и тихо мерцал среди тишины и безмолвия. Широкий, быстробегущий Амур мрачною, холодною, живую дорогой пробирался среди своих оков-берегов и нежно нашептывал плеском шаловой волны что-то близкое и милое осенней сумрачной ночи.

Порой едва заметно пробежал шалун — прохладный ветерок и ласково обнимал кудрявые березы и дубы, которые качались и шептали ему нежное ответное приветствие. Все же остальное молчало.

Спал крепким сном город, освещенный светом электрических фонарей, спала на противоположном правом берегу китайская деревня, спали вдали холмы, поля и леса.

Вдруг зашумела где-то в реке черная вода под ударами невидимых в темноте весел лодки. В это время на левом берегу Амура, значительно выше таможенной заставы, прозванной «рогаткой», появились две лошади, запряженные в телеги, и осторожно начали спускаться вниз к воде. На передней телеге сидел мальчик лет двенадцати-тринадцати, плотно закутанный в серую женскую шаль и старенькое пальто. На голове смешно топорщилась выцветшая рыжая шляпа. Мальчик испуганно озирался по сторонам. Его пугало все.

Черные поленницы дров, сложенные на берегу, казались ему огромными великанами, готовыми в одно мгновение проглотить и его лошадей, и телеги; фонарные столбы на далеком расстоянии смотрели на него злыми колдунами с одним глазом, готовыми превратить его в кучу песка или камней. Он сильно дрожал, но все-таки продолжал спускаться под берег.

Внизу он остановил лошадей и начал всматриваться во мглу, нависшую над рекой. Неожиданно из темноты со стороны Амура раздался отрывистый, короткий свист. Мальчик встрепенулся, вскочил на телеге на ноги и, приложив руку к губам, ответил на свист.

Плеск воды раздавался все сильнее и сильнее.

Казалось, что из глубины ночного мрака приближается какое-то фантастическое чудовище, жаждущее нарушить тишину беспокойным шумом и гулом.

Мальчик все еще не переставал дрожать и ежиться: он внимательно всматривался в пучину ночного мрака, но ничего не видел, хотя начинал верить, что приближается к нему родное и знакомое существо. Действительно, скоро из мглы на черной бурливой воде стали обрисовываться две серые фигуры, плывущие к берегу.

Мальчик, увидев их, обрадовался и, соскочив с телеги, подбежал к воде.

Через несколько минут бесформенные фигуры были около берега и превратились в две большие лодки, похожие по своему устройству на баркасы. Лодки были наполнены жестяными банками, в которых спиртоносы имеют обыкновение возить спирт. В обеих лодках на жестяных банках виднелось по три черных мужских силуэта. Одна из лодок быстро подплыла к пологому берегу и мгновенно остановилась.

Мальчик стремительно подскочил к ней.

— Ну что, — спросил его высокий мужчина, выйдя из лодки, — никого нет здесь из «собак»?

Часть первая

— Тише! — залепетал мальчик. — Там в дровах промелькнула какая-то тень и скрылась.

— Ага!.. Молчи... Эй, вы! — крикнул высокий своим товарищам, — сидите в лодке, я сейчас возвращусь. В случае какой неприятности отчаливай от берега и плыви вниз... Пойдем, малец! Покажи мне, где спряталась «собака».

Сказав это, он вынул из чехла револьвер и зашагал за маленькой фигуркой.

На берегу находилось несколько полениц дров. К одной из этих полениц подвел мальчик высокого мужчину и тихо прошептал:

— Здесь.

Тот поднял револьвер, направил его в чернеющий промежуток между поленицами дров и громко крикнул:

— Эй, «собака», вылазь, или пристрелю как гадину!

Но все молчало в ответ.

«Собака» не думала шевелиться и исполнять приказание. Высокий мужчина выстрелил в дрова. Гулко зазвучал выстрел по окрестности и замер где-то далеко-далеко.

— Пашка, а ты не наврал мне? — обратился после выстрела мужчина к мальчику.

— Ей-богу, Иван Семеныч, кто-то пробежал к дровам.

— А, ну черт с ним! Выйдет — все равно уьем. Пойдем. Они молча отправились к лодке.

Вторая лодка с тремя гребцами уже нетерпеливо ждала ушедших.

— Ну что там? — спросили спиртоносы возвратившихся Ивана Семеныча и мальчика.

— Да ничего, мальчонка набрехал, — сердито ответил высокий мужчина.

— Ей-богу, не набрехал! — оправдывался Пашка.

— Не разговаривай. Некогда слушать, — прервал его Иван Семеныч. — Эй, вы, шпанка, живее стаскивать спирт. Время дорого, Матвейч, что сидишь, словно родильница! — крикнул он седому старику, неподвижно сидевшему в лодке и смотревшему в речную черную, живую воду.

— Давеча харбинки хлебнул много, ну и повесил нос, — насмешливо отвечал молодой парень с черными кудрявыми волосами и в шляпе, надетой набекрень.

— Ты, Мишка, — баба курносая, помалкивай! Знай про себя, — огрызнулся сердито дед Матвейч.

— Ладно, ладно! Будет вам, черти заполошные! — закричал вновь Иван Семеныч. — Живей за работу, время не терпит. Скорей таскать банки.

Голоса смолкли. Послышались осторожные шаги по гальке от лодки к телеге, временами постукивание жестяных банок, наполненных спиртом, и осторожный таинственный шепот.

Через некоторое время все банки были уложены на дне телеги, лодки привязаны около близко стоящих паромов; спиртоносы собрались в кружок.

— Теперь работа кончена. Мы трое останемся около телег. Ты, дед, останешься, я и Пашка. А вы отправляйтесь по берегу, — торопливо говорил Иван Семеныч.

— Конечно отправимся. Уговор такой был: до берега мы доставим спирт, а до дому — вы, — прервал Митька.

— Прощайте!.. — проговорили уходящие спиртоносы.

— Ну, трогай! — крикнул дед Матвейч и дернул лошадь возжою.

— Тише ты, черт старый! — обругался Иван. — Пашка, садись на телегу. Вот сюда, с краю.

Мальчик быстро забрался на телегу и лег на банки. Лошади мирно зашагали по пыльной дороге, ведущей на кручу.

Когда это шествие было на берегу и путники вздохнули облегченно, думая, что опасность миновала, из темноты ночи выскочил человек, стреляя в воздух и крича:

— Ни с места! Кто двинется, убью, как собаку!

«Трах!.. Трах!.. Трах!..» — гремели револьверные выстрелы. Мгновенно ожил спящий берег. Все наполнилось шумом и гудением.

Часть первая

«Трах!.. Трах!.. Трах!..» — гудела земля, гудели трепещущие деревья, гудели черные, плещущие о берег волны.

«Трах!.. Трах!.. Трах!..» — больно отдавалось в сердцах трех пойманных спиртоносов.

Неожиданно, как таинственные духи, появились четверо патрулей с ружьями в руках. Иван Семенович, видя, что все погибло, швырнул в сторону свой револьвер и сдался в руки врагов без сопротивления. Старик Матвейч виновато посмеивался, лепетал что-то непонятное и не думал сопротивляться. Мальчик сильно плакал и исполнял беспрекословно все, что ему приказывали. Всех пойманных посадили на переднюю телегу. Лошадей тронули, и они медленно потащили за собой телеги, нагруженные банками со спиртом.

Иван Семеныч долго сидел, склонив голову на грудь, и, кажется, что-то обдумывал. Его лоб украсился морщинами, а лицо выражало безграничное страдание.

Вдруг все черты его лица преобразились: в них сверкнула радость, как светлый луч по небосклону, закрытому грозными черными тучами, а глаза озарились светом надежды.

— Брат! — тихо проговорил он, обращаясь к солдату, идущему ближе к нему. — Хочешь заработать?

— Пошел!.. Не велено разговаривать!.. — строго отвечал солдат.

— Знаю, что не велено. А думаю, что деньги-то можете без позволения зарабатывать, — не отставал он.

— Можно-то можно. А все-таки молчать велено.

— Ну и молчи, черт с тобой. Только на одно ответь: хочешь ли заработать денег? Двадцать пять рублей на четверых дам, если отпустите меня.

— Никак нельзя!

— Чего нельзя? А ты поговори с товарищами: увидишь, можно. Где вам взять денег? А здесь сразу, не трудясь, получите по шесть с лишком рублей.

— Никак нельзя: таможенный увидит.

— Дурень ты! Таможенный впереди идет, лошадь под узду ведет. Бойтся, чтобы мы не убежали. А нам где убежать?! Вот если вы поможете, то будет дело. Соглашайся, приятель. Ваше дело солдатское, где взять вам? С вас последнее сдерут... Так что ж отказываться. Иди поговори со своими товарищами.

— Ладно, поговорю. Ежели что хорошее, так мы освободим тебя. Только не отказывайся: двадцать пять рублей полностью гони. Слышишь?

— Слышу. Иди.

Солдат, поглядывая в сторону таможенного, приблизился к товарищам и начал советоваться с ними вполголоса. Прошли томительные пять минут для Ивана Семеныча. Наконец солдат вернулся.

— Ну что решили? — тихо спросил спиртонос.

— Согласны. Давай деньги и удирай. Только смотри не попадись таможенному.

Иван Семеныч вздрогнул от радости.

— Сейчас. Еще одно слово, — сказал он, доставая четвертную, — когда я отстану и заверну вон в тот переулок, тогда этот старик передаст вам эти деньги. Если же он не будет отдавать, бей тревогу. Но он так не поступит.

— Так! Так ты, значит, бежать собрался? — протянул Матвеич, все время смотревший в ночную даль.

— Как видишь, приятель, — отвечал Иван Семеныч и затем обратился к солдатам: — Ну а вы согласны на мое предложение?

— Согласны. Только не обманывай, а то все равно не убежишь, — сказал рыжий солдат.

— Не обману. Ваши деньги у старика. Ты смотри, старый хрыч, отдай им, а то они подымут такую кутерьму, что чертям душно станет. Теперь, друзья мои, до свиданья. Ах ты! Я и забыл. Когда вас будут допрашивать, молчать про всех. Помните уговор: кто попадется и выдаст товарищей, того нужно убить. Слышите?

Часть первая

— Слышим, слышим, черт пудластый! — отвечал сердито дед.

— Пашка, — нагнулся Иван к мальчику и тихо прошептал: — В таможене спросят, чьи лошади, — скажи, твоей матери. Спросят, кто послал, — скажи, что мать.

— Да маме будет худо! — запротестовал мальчик.

— Молчи. Если скажешь, что это были наши, и выдашь нас всех, то мы убьем тебя, и мать твою, и сестру твою.

— Ну будет тебе зубами лязгать, убирайся живее, — толкнул его рыжий солдат.

Иван Семеныч соскочил с телеги и тихими шагами начал отставать. Скоро он свернул в сторону и исчез в темноте.

— Пашка, пропала наша голова ни за грош ни за поллушку, — сказал старик, смотря вслед ушедшему товарищу.

Мгновенье царила тишина. Слышно было, как стучали железные шины колес о камни и подковы конских ног. Патрули шли молча, временами оглядываясь и смотря вдаль...

Дед Матвейч, когда совершенно исчез друг-спиртонос, отдал четвертную солдатам. Затем достал из-за голенища острый маленький перочинный ножик и, раскрыв, начал вертеть в руках.

— Эх-хе-хе! — тяжело вздохнул он. — Будь по-моему. Не доставайся ни нашим ни вашим.

Быстрым незаметным движением руки, в которой сверкал ножик, он тихо надавливал на жестяные тонкие стенки банок и разрезал их. Банки тихо скрипели и стонали. Пахучая жидкость потекла из прорезанных банок. Сильно запахло спиртом. Солдаты с жадностью вдыхали любимый запах.

«Как хорошо пахнет! Вот нам стащить бы хоть одну баночку!» — вертелась у каждого мысль. А старик уже окончил свое дело и сидел неподвижно на телеге.

— Братцы! Пустите меня на ту телегу: здесь плохо спится, — проговорил он густым басом.

— Ишь, черт старый, хорошего сна захотел. Нельзя, не велено, — отозвался один солдат.

— Идолы этакие, я же не убегу. Ради Бога, пустите. Кости все разломило.

— Нельзя никак, никак нельзя! — слышался ответ.

— Что здесь за спор? — спросил подошедший таможенный, идущий все время впереди.

— Да вот, батюшка, — начал плаксивым голосом старик, — отлежал все свои кости. На той телеге удобнее лежать. Тамо и шуба моя. Так эти идолы не пускают.

— Патруль! Отведи его на ту телегу, — начальственно приказал таможенный, — да карауль хорошенько. Если побежит, стреляй в голову.

— Слушаюсь!.. — сказал солдат и отправился вслед за соскочившим с телеги стариком.

— А где же третий арестант? — испуганно спросил таможенный.

— На телеге лежит, — равнодушно отвечал один солдат.

— Да где же? Господи Иисусе! Он, наверное, слово нечистое знает. Все время караулили и вот поди же! — приговорно говорил тот же патруль.

— С нами крестная сила! Все время за ним только и следили, а он все-таки исчез, — проговорил второй солдат.

— Да спасет нас Бог!.. Он, наверное, колдун. Я видел его в то время, когда вы подошли к телеге. А теперь его нет! — солгал третий.

— Негодяи! Этого не могли исполнить как следует. Бурхановская шпана! Бить надо вас, как собак. Один патруль, иди к старику, а двое — мальчишку караульте. Вы там, безмозглая саранча, смотрите за стариком. Выпустите — будет вам плохо.

Старик лежал на телеге и корчился в нечеловеческих движениях; перочинный ножик незаметно сверкал в его руке, вонзаясь то в одну, то в другую банку.

Часть первая

— Чего ты, собака, смирно не лежишь! — крикнул на него солдат.

— Живот болит, — хладнокровно отвечал Матвейч. — Все нутро готово вывернуться.

— Слава Богу! К утру, может быть, околеешь, — пожелал другой патруль.

— Ой-ой! — притворно начал стонать старик, вонзая острие ножа в банки со спиртом.

Вновь сочилась пахучая жидкость на пыльную дорогу, и в воздухе носился запах спирта.

Запели первые петухи, ночь стала еще безмолвнее и темнее. Улицы как будто бы были совершенно мертвыми: не показывалось ни одного живого существа, лишь порой завывали собаки, услышав скрип телег и стук лошадиных подков. Подъехали к дому таможенной заставы... Старик сел на телегу совершенно спокойный. Закрыв ножик и положив его за голенище, он, усмехнувшись, сказал сам себе:

— Сделал дело: ни вам ни нам.

Глава 2

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА И РАЗОЧАРОВАНИЕ

Телеги контрабандистов въехали во двор «конторы». В воротах их встретил таможенный с заспанной физиономией:

— А! Добыча!.. Святая водица!..

Глаза его блеснули радостным огнем.

— А закуска есть?

— Хорошо и без закуски! — проворчал старик-контрабандист, спускаясь с телеги на землю.

— Ты у меня поговоришь! — крикнул таможенный и замахнулся на старика шашкой.

Старик отступил к столбу до фонаря и оказался в кругу освещенного пространства.

Таможенный взглянул на него, и рука у него опустилась.
— Лесной Дед! — невольно прошептали его губы.

Старик скорее угадал, чем услышал свое прозвище, под которым он был известен лет десять назад в Акатуйской каторжной тюрьме.

Волосы у него под шапкой зашевелились. Пред ним встала картина военного суда и... виселицы.

Он невольно двинулся к таможенному и, как бы споткнувшись, быстро вытащил из-за голенища нож.

Таможенный тоже встревоженно топтался на месте и, когда Лесной Дед подходил к нему, повернулся лицом к свету, падавшему от фонаря.

Лесной Дед взглянул ему в лицо и сразу же успокоился.

— Рваная Ноздря! — со злобным смешком проговорил он. — Чиновником заделался... Старых друзей саблей рубить хочешь.

Таможенный побелел, как бумага.

— Молчи, ради Бога! — проговорил он, близко придвигаясь к Лесному Деду. — Молчи! Улышат.

— А зачем мне молчать? — все с тем же смешком, но тихо проговорил тот.

— Молчи, ради Бога! Я тебе помогу...

— А, это другое дело. Если сможешь, то можно и помолчать. А иначе нет расчета беречь таможенную «собаку». Слово сказал, и... веревка готова.

— Молчи, молчи!.. — весь дрожал таможенный.

— Хорошо, помолчу. А только ты должен меня высвободить отсюда. Мне нет никакого расчета идти в тюрьму.

— Но как же я тебя высвобожу? Тут чиновник. От него зависит.

— А это уже дело твое. Мое дело — молчать про веревку, а твое дело — высвободить.

— Хорошо, хорошо! Пойдем сюда.

И он отвел старого приятеля подальше от патрульных солдат.

Тут они сели на разбитый ящик.

Часть первая

— Это твоя, что ли, контрабанда? — спросил таможенный.

— Какая моя? Тут одного...

— А где же он?

— Он удрал. Про него надо молчать.

— А на кого же контрабанду запишут?

— А вот надо бы на этого мальчонку, что на возу сидит. У него мать домишко имеет. Так вот на нее и нужно свалить все.

— А мальчишка как, согласен?

— Его припугнули. Однако надо бы и еще пугнуть.

— А это я сейчас.

И Рваная Ноздря пошел к телеге.

Мальчик расширенными зрачками смотрел на его приближающуюся фигуру.

— Твоя контрабанда? — сурово спросил его Рваная Ноздря.

— Н-нет, — со слезами в голосе протянул мальчик.

— Что?! Ты — отказываться! Обманывать начальство! Тебя мать послала, и лошади материны.

И таможенный ударил мальчика кулаком по голове.

— Говори, чьи лошади?

Мальчик съежился в комочек и весь дрожал.

— Говори — чьи лошади?! Чей спирт?! Материн?!

— Д-да... — едва слышно прошептал мальчик.

— Ну так помни же — ты теперь сознался. И если будешь запираяться при чиновнике, то и тебе, и матери хуже будет.

А Лесной Дед в это время сидел, склонившись, и думал...

Перед ним, как живая, встала Акатуйская каторга. И вот этот самый рецидивист, страшный злодей, Рваная Ноздря, осужденный еще в России на вечную каторгу, льстивый, пронырливый, хитрый, он временами приходил в безотчетное бешенство и бросался на первого встречного.

Это с ним и случилось лет двенадцать назад.

Он бросился на надзирателя и камнем раздробил ему голову.

Его судили и присудили к повешению.

Но накануне казни Рваная Ноздря как-то таинственно исчез из тюрьмы и, что называется, как в воду канул.

А через год после этого и сам Лесной Дед, всего за год до окончания срока, стосковался по воле и на работах убил задремавшего от скуки конвойного и бежал в Китай.

И вот теперь они встретились.

Один, уже осужденный на смерть, а другому тоже грозит или веревка, или вечная каторга.

Но Рваная Ноздря не знал ничего о побеге Лесного Деда, так как это случилось уже после него, и он думал, что Лесной Дед окончил свой срок и проживает по законному паспорту.

— Готово! — подошел к нему Рваная Ноздря. — Мальчишка «сознался», что и лошади, и спирт принадлежат его матери. А в случае если опять станет отпираться, я могу быть свидетелем, уличу его...

— А я как? — спросил Лесной Дед.

— А ты скажешь, что нанялся только лошадей покарать.

В это время из дверей «конторы» вышел писец с заспанной похмельной физиономией.

Вся его фигура говорила, что накануне он сильно хватил и теперь, почуяв запах спирта, весь осклабился и начал потирать руки:

— Ага! Вот это кстати!

И он двинулся к переднему возу с банками.

Коллеблющимися шагами он подошел вплотную и потянулся обеими руками к банкам.

— Вот и похмелимся, — ворчал он себе под нос.

И он поднял банку в уровень с головой.

Но физиономия его изобразила крайнее изумление: банка оказалась пустой, легкой как перышко.

Он бросил ее на землю и схватил другую.

Часть первая

Но и эта так же легка, как первая. Он хватает третью, четвертую, десятую и с отвращением бросает их на землю.

Через две минуты на возу не осталось ни одной банки.

— Что же это? Насмешка! — накинулся он на патрульных солдат. — Зачем вы привезли сюда пустые банки?

— Не можем знать! — ответил один из караульных. — Нам приказал таможенный.

— Кто? Какой таможенный?

— В контору ушел.

Похмельная физиономия двинулась ко второму возу. Но и там та же история: банки были пусты.

Лесной Дед сидел на ящиках и беззвучно смеялся себе в кулак.

— Прорезал, что ли? — спросил его Рваная Ноздря.

— Да.

— Все?

— Все.

— Низко резал?

— Дно.

— Тогда, может быть, еще можно выправиться: сказать, что пустые банки везли... Пойду посмотрю... Если весь спирт вытек?..

В это время писец радостно вскрикнул:

— Ага! Есть!

В поднятой им банке плескалось немного спирту. Он тотчас нашел отверстие, откуда вытекал спирт, и жадно припал губами.

Рваная Ноздря подошел к возу и начал опытной рукой пробовать оставшиеся банки.

В некоторых еще оставалось немного спирта. Он поворачивал их отверстием вниз. Остатки спирта вытекали.

Работа была быстро покончена. И Рваная Ноздря отошел от воза к Лесному Деду.

— Готово! Все пустые. Так и показывай чиновнику: пустые, мол, банки перевозили, хотели посмеяться над таможенными.

В этот момент из конторы вышел чиновник того таможенного, который задержал контрабандистов.

— Это? — указал он на телеги.

— Так точно, — вытянулся таможенный. — Ведер тридцать с лишним будет.

— Сосчитать!

Таможенник подошел к брошенным на землю банкам и начал считать:

— Раз, два, три, четыре... пятнадцать... двадцать... двадцать шесть.

— Да еще в телеге есть.

И он поднял полуведерную банку, намереваясь переложить ее из телеги в общую кучу.

Физиономия его выразила горестное изумление:

— Пустая!

— Что пустая? — сердито спросил чиновник.

— Банка пустая.

— А эти? — Чиновник ткнул одну из лежащих на земле банок.

Пустая банка со звоном покатила по земле.

— А эти? Эти?

И чиновник с таможенником начали бросать пустые банки.

Из-за горизонта брызнул луч солнца и осветил сердитые, растерянные физиономии.

Глава 3

РАННИЙ ГОСТЬ

Иван Макарыч Арносков проснулся, потянулся и взглянул на часы. Была половина восьмого.

Он осторожно поднялся и начал одеваться, оглядываясь время от времени на жену.

Софья Марковна спала как убитая.

И не диво: они только в пять часов вернулись с маскарада.

Часть первая

В голове у Ивана Макарыча еще шумело, но давнишняя привычка взяла свое.

С тех пор как он решил сделаться богатым, он всегда вставал рано утром...

Одевшись, умывшись, он вышел в столовую.

Фекла подала самовар.

Иван Макарыч взял из-под подушки жены ключи, отпер буфет, достал чай, сахар, стакан и медленно приступил к завариванию чая.

Поставив чайник на самовар, он подошел к окну, разрисованному морозом узорами.

На улице было пусто.

На углу стоял извозчик.

Спал извозчик, спала лошадь...

«Тоже деньгу зарабатывать выехал, — думал Иван Макарыч. — И правильно... Всякий должен работать по-своему... Кому что!.. Одному талант, другому два. В землю зарывать не годится... А удачный вчера был маскарад... С помощником директора банка ужинал. Влетело, да это что! Пустяки... Главное, понравилось ему. И жена молодчина. Так глазами и стреляла, что тот совсем растаял. Уж если придется векселей учесть, так, наверное, не откажет. А деньги скоро будут нужны: все в обороте. Скоро-то не вернешь!.. А было время, что ни гроша не было. Неделями голодал».

И перед Иваном Макарычем стали проноситься картины далекого прошлого.

Казенный дом... Большой. Огромный... Маленькая комната... Кровать, стул, стол, комодик и два горшка с геранью на подоконнике.

И служба... Тяжелая, скверная служба, поганая служба, а выгодная.

Человек с мозгами всегда урвать малость может.

И сегодня, и завтра, и послезавтра, и каждый день, пока люди в этом доме жить будут.

— Бог видит, да не скоро скажет, а начальство...

Начальство тоже деньги любило. Опять же все на законном основании. И преступников надо карать. Великая штука не доест, не допить: на то и преступник...

Долго там прослужил Иван Макарыч и до сих пор служил бы, может быть, если бы не ревизия. Впрочем, все к лучшему. Как ушел со службы да пустил денежки в оборот, так еще лучше стало. Ни забот тебе, ни хлопот. И сам себе господин. Женится, да на умной женщине. Вот говорят, что судьба не всем всех оделяет. Пустое... брешут люди. Взять хоть Софью Марковну! И красива, и умна. На рояле вальс и жалостный романс играть умеет. И не транжирка... Упаси господи! Еще невестой была, так ему разнос за букет сделала!

— Иван Макарыч! — сказала, — ведь я за вас не как дура замуж выхожу. В разные любви я не верю. Мне важно, чтобы я с достатком жила и за деньгами к чужим не бежала. Букет-то ведь денег стоит, а цветы через два дня завянут. Лучше бы мне деньгами подарок сделали.

И так эта фраза понравилась Ивану Макарычу, что он невесту свою еще больше полюбил. Мозговитая баба. С ней не пропадешь... Настоящая помощница будет.

Извозчик вдруг проснулся, стегнул коня и скрылся за углом.

«Вишь, дурак нашелся. Пешком лень идти», — подумал Иван Макарыч и вернулся к столу.

Налил стакан, положил сахар, отрезал ломоть хлеба и принялся за чаепитие. Пил он чай не торопясь.

— Куда спешить?.. Поспешешь — людей насмешишь...

Он допивал второй стакан, когда вошла Фекла.

— Там на кухне вас мужик спрашивает...

— Какой мужик?

— А тот самый, что наемдни до вас приходил. Молодой такой. Еще в комнату вы его звали и долго говорили...

— Четвертого дня?

— Во-во!.. Он самый! Еще водку ему подавали...

— Ну... Ну! Зови его скорей в кабинет!

Фекла вышла из кабинета. Арносов остановился посреди комнаты, нервно пощипывая свои усы.

Незаметно отворилась дверь, и на пороге появился высокий, широкоплечий молодой мужчина с загорелым, живым лицом, черными блестящими глазами и с длинным вьющимся чубом. Он как-то медленно и тихо вошел в комнату и притворил за собой дверь.

Увидев его, Иван Макарыч подскочил к нему как стрела и, впившись в его лицо своими злыми бесцветными глазами, сдавленным голосом прошипел:

— Все благополучно?.. Выгорело?..

— Нет! — угрюмо отвечал парень, отступая к дверям.

— Нет?! Что?.. А?.. Почему?.. Почему? — побледнев, завокнулся Арносов.

— Нас поймали.

— Что-о-о? — отчаянным голосом закричал Иван Макарыч. — Да как же это так? Не может быть!.. Это обман! Ты говорил, что у вас таможенные подкуплены. Как же все это вышло? Ничего не понимаю.

— Я сам не знаю, как вышла эта беда... Матвеича и мальчика забрали, а остальные все убежали, — отвечал пришедший.

— Что, их забрали?! Фу, черт знает что такое! С дураками связался и сам дураком стал. Теперь снова полетят на меня комья грязи и сплетен. Этого еще мало! Благодаря вам я потерял лошадей и те деньги, которые отдал вам.

— Иван Макарыч! Вы не горячитесь. Я все устроил хорошо. Вы останетесь в стороне, совершенно невинным, только лошади да деньги действительно утеряны.

— Что устроил? Как? Мальчишка, а тот надменный старик, которых арестовали?.. Они зарежут меня без ножа.

— Не бойтесь, не бойтесь! Мальчишке я пригрозил и велел всем говорить, что его послала мать за спиртом, что лошади принадлежат его матери.

— Да кто ему поверит, что он один ездил за контрабандой. Эка чепуха!..

АМУРСКИЕ ВОЛКИ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Алиса Павлова, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.04.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА* тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

